

Н. Н. МАСЛЕННИКОВА

Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства

Вопрос о присоединении Пскова к Москве, о вхождении Пскова в Русское централизованное государство является центральным моментом истории Пскова и вместе с тем частным вопросом проблемы образования Русского централизованного государства.

История Пскова понималась буржуазными историками с точки зрения самых разнообразных теорий и схем, но всегда предвзято и ограничено; они не видели в Пскове ни классов, ни социальных конфликтов, воспринимали Псков, псковскую политику, псковскую идеологию как единое монолитное целое. Существовало представление о какой-то единой точке зрения, о единых псковских настроениях, тенденциях. Поэтому и источники по истории Пскова рассматривались ими не как произведения представителей того или иного класса, той или иной социальной группы, поставленные на службу классовым интересам, а как произведения, отражающие единую общепсковскую точку зрения: источники по истории Пскова не оценивались ими со стороны отражения в них идеологической борьбы. Псковские летописи воспринимались как объективные и аполитичные отражения исторических фактов, как произведения, составленные „не мудрствуя лукаво“ в отрыве от политической жизни. Поэтому-то присоединение Пскова к Москве трактовалось как насильственное, совершенное Москвой, встретившее единодушное отрицательное отношение всего населения Пскова.

Взгляд на присоединение Пскова к Москве, как на совершенное усилиями Москвы вопреки интересам всего псковского населения, нашел свое отражение в одной из последних работ по истории Пскова. Автором отмечается партийная и классовая борьба в Пскове, но взаимоотношения между Москвой и Псковом понимаются как выражение „двух тенденций — отживающей, тянущей назад ко временам феодальной обособленности, и новой, успешно утверждающейся и ведущей к объединению местных областей вокруг всероссийского центра — Москвы“.¹

¹ В. И. Герасимова. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству. Уч. зап. Лен. Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 78, 1948.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина дало в руки советских историков метод научного анализа, благодаря которому разработка каждой частной исторической проблемы может встать на подлинно научную почву. Советскими историками решены основные вопросы проблемы образования Русского централизованного государства. Это позволяет по-новому подойти к изучению истории Пскова.

Статьи А. Н. Насонова, посвященные псковскому летописанию,¹ являются самыми ценными для изучения всей истории Пскова. Считая своей основной задачей воссоздание истории летописания, выяснение недоданных до нас сводов, А. Н. Насонов подошел к изучению источников как историк. А. Н. Насоновым в его работах намечены пути исследования идеологической борьбы в Пскове, а выделение Строевского списка Псковской летописи в особую Псковскую III летопись, определение Псковского свода 1567 г. как свода Корнилия открывает новый источник для изучения социально-политической и идеологической борьбы в Пскове в XVI в.

Необходимость образования Русского централизованного государства сознавалась не только в Москве, а также и на самой окраине Русской земли на границе с Литвой и Ливонским орденом — в Псковской земле.

В конце XV—XVI вв. происходило в Русском государстве дальнейшее развитие торговых связей между областями, развивались ремесла, местные рынки теряли свою ограниченность. Изменения экономические с неизбежностью породили обострение классовой борьбы. Старая форма принуждения становилась непригодной, интересы землевладения диктовали необходимость создания сильной централизованной власти.

Все эти процессы нашли яркое выражение в Пскове: развивались торговля и ремесло, росли связи с другими землями, в частности с Рязанью и Москвой. К концу XV в. псковские источники отмечают обострение классовой борьбы. В отдельных случаях эксплуатирующее меньшинство не могло обойтись без помощи великого князя московского.

Но не только этим определялась необходимость присоединения Пскова к Москве. Псков, меньше других русских городов задетый татарским нашествием, был главным стражем против немцев. Этим объясняется своеобразие политической организации Пскова. Однако Псков — пограничный город Русской земли — со своими неприступными стенами и хорошо организованным войском не мог один противостоять натиску ордена и литовских князей. Следя по летописи, мы отчетливо видим, как порой бесплодно ищет Псков себе союзников среди русских княжеств и как, наконец, находит себе его в Москве. Связи с Москвой,

¹ А. Н. Насонов. Вводные статьи к изданию „Псковских летописей“, вып. 1, М.—Л., 1941; он же. Из истории псковского летописания. Ист. зап., № 18, 1946.

несмотря на отсутствие общих границ, все более крепнут. С появлением этих общих границ, после присоединения Новгорода, связи эти становятся неразрывными, растут с каждым днем при каждом новом столкновении Пскова с его западными соседями и, наконец, окончательно закрепляются при Василии III. Таким образом, присоединение Пскова к Москве было логическим завершением ранее сложившихся отношений.

Псковское летописание тесно связано с экономической, политической, социальной, культурной жизнью Пскова. Как не было единого монолитного псковского населения, единых настроений, так не было и литературы, отражающей единую общепсковскую точку зрения. Псковская литература отразила классовую борьбу в Пскове. Нашло свое отражение в этой литературе и различное отношение групп псковского населения к образованию Русского централизованного государства.

1. Филофей — идеолог сторонников присоединения Пскова к Москве

В Пскове были две политические группировки, которые по-разному относились к Москве, к факту образования единого централизованного государства. Точку зрения сторонников присоединения Пскова к Москве, людей, которые понимали необходимость этого присоединения, видели в Москве центр Русского государства, выражал в своих произведениях писатель XVI в. старец Елеазарова монастыря Филофей.

До нас дошли девять Посланий старца Филофея, адресованных великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу, дьяку великого князя в Пскове М. Г. Мисюрю-Мунехину, псковичам. В своих посланиях Филофей затрагивает немало вопросов. Но больше всего Филофей известен как создатель теории Москвы — третьего Рима.

Теория Москвы — третьего Рима сформулирована старцем Филофеем в трех его посланиях: Послании к великому князю Василию Ивановичу, Послании к великому князю Ивану Васильевичу и Послании к дьяку Мисюрю-Мунехину против звездочетцев и латинян.¹

В основе теории Москвы — третьего Рима лежит идея провиденциализма. Эта идея оформилась еще в Ветхом Завете и получила окончательное развитие у христианских писателей. Все в мире совершается на основании промысла божьего. Промысел божий управляет судьбами людей, народов, царств. Для выполнения божественных предначертаний бог избрал последовательно четыре народа, четыре царства. Последнее царство — римское царство, оно сохраняет истинную христианскую веру, после него наступит конец света. Но Рим пал, а конец света не наступает. Византия является наследницей Рима,

¹ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 49—57, 57—66 и 37—47.

Константинополь становится вторым Римом — центром вечного христианского царства. Так вечный Рим становится подвижным царствующим градом. Второй Рим соединился с первым Римом на Флорентийском соборе и был завоеван турками, но вечный Рим должен жить в каком-то другом государстве, которое сохраняет православную веру в чистоте. Старец Филофей впервые высказал мысль о том, что третьим Римом является Москва. Какой же смысл вкладывает Филофей в формулу Москва — третий Рим? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, разберем теорию Филофея по всем трем Посланиям.

В. Малинин много времени и труда уделил выяснению точного времени написания Посланий. Чтобы понять последовательность их написания, достаточно проследить постепенное развитие теории в трех Посланиях. Впервые мысль о Москве — третьем Риме высказана Филофеем в Послании к великому князю Василию Ивановичу. Четче сформулирована она в Послании к Мисюрю-Мунехину, наконец, наиболее подробное выражение нашла она в Послании к Ивану Васильевичу. В такой же последовательности развивается в Послании и мысль о причинах падения двух первых Римов.

В Послании к великому князю Василию Ивановичу Филофей называет великого князя „браздодержателем святых божьих престол святые вселенския соборная апостольская церкви“, церковь эта сияет теперь вместо римской и константинопольской, так как в первом Риме церкви пали „неверием аполинариевы ереси“, а второй Рим завоеван турками: „агаряне внуцы секирами и оскордами разсекоша двери“, только в Русской земле церковь сохранила в чистоте православную веру „третяго новаго Рима, державнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, иже в концых вселенныа в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнце светится“; отсюда Филофей делает вывод: „вся царства православныя христианския веры снисдошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь“.¹

Заканчивается это послание, основное содержание которого, конечно, не исчерпывается изложением теории Москвы — третьего Рима, словами: „вся христианская царства снисдошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти“.² К русскому царству, по мнению Филофея, переходят права Рима как главы православного мира. Русская земля — третий Рим в смысле сохранения чистоты веры, в смысле выполнения этого предназначения „божественного“ промысла.

Послание к дьяку великого князя М. Г. Мисюрю-Мунехину написано по просьбе Мисюря объяснить ему счет годам. Все это послание Филофея направлено против „звездочетцев и латин“, против их лето-

¹ Там же, стр. 50.

² Там же, стр. 55.

исчисления и их веры в счастливую и несчастливую звезду. При объяснении летоисчисления, а также изменений в судьбах народов и людей Филофей ссылается на промысел божий: „не от звезд сие приходит, но от все дающего бога“.¹ В этом послании Филофей подробно объясняет причину падения первого Рима — „предаша православную греческую веру в латынство“. Пусть Мисюрь не верит, когда латиняне говорят: „наше царство ромейское недвижимо пребывает“; они изменили православия „опресночного ради служения“. Филофей разоблачает римлян: „аще убо великого Рима стены и столпове и трикровныя полаты не пленены, но душа их от диявола пленены быша опреснок ради“.² В пример римлянам Филофей ставит Византию: „аще убо агарины внуди греческое царство приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати“. Этот пример был приведен Филофеем в пылу спора, так как о чистоте веры в греческом царстве он думал несколько иначе при написании следующего Послания. Кончает Филофей это свое Послание, как и предыдущее, предсказанием о судьбе Русской земли: „о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всей поднебесной единого христианом царя и брододержателя святых божиих престол святяа вселенския апостольския церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасаемом граде Москве, ... яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам хто есть росейское царство, два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти“.³

В этом послании теория Москвы — третьего Рима выступает в более полном выражении; это объясняется назначением Послания, поставившего своей задачей разоблачение догматов латинства. О падении Константинополя — второго Рима говорится еще очень мало.

В Послании Филофея к великому князю Ивану Васильевичу теория Москвы — третьего Рима предстает в полном развитии. Православную церковь Филофей рисует в образе апокалипсической жены, она бежит в пустыню от первого Рима, „понеже весь великий Рим падеся и болит неверием аполинариевы ереси неисцелно“; она бежит в Константинополь, „но ни тамо покоя обрет соединения их ради с латынею на осмом соборе, и оттоле константинопольския церкви раздрушися и положилися в поправление яко овощное хранилище“.⁴ Тогда православная церковь бежит в третий Рим, „иже есть в новую великую Русию, се есть пустыня, понеже святяа веры пусти беша и иже божественнии апостоли в них не проповедаша, но последи всех посветися на них благодать божия спасительнаа, его же познати истиннаго бога“, дальше Филофей говорит о чистоте веры в Русской земле: „едина ныне святяа

¹ Там же, стр. 41.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 63.

соборнаа апостольскаа церковь восточнаа паче солнца во всей поднебесной светится и един православный великий русский царь во всей поднебесной“.¹ Он поддерживает церковь и утверждает истинную христианскую веру. В этом Послании только в двух словах говорится о падении первого Рима, но уже подробно рассказывается о падении второго Рима из-за его соединения с латинством. По мнению Филофея, уния, заключенная на Флорентийском соборе, была причиной падения православной церкви в Константинополе, за этот страшный грех было послано богом наказание — завоевание турками.

Таким образом, в представлении Филофея Москва — центр православного царства, а значит и центр всего православного мира. Великий князь московский является царем всех христиан и „браздодержателем святых божих престол“. Представление это основано на мистических идеях промысла божия, преемства царств и т. п.

Могла ли теория Москвы — третьего Рима стать политической теорией Русского централизованного государства в период его образования? Теория Москвы — третьего Рима не была теорией в полном смысле слова. Она не могла быть руководством к действию, в нее можно было вложить любое содержание. Так, позднее, в XIX в., на ней было основано требование борьбы за наследство Византии. Но в XVI в., в обосновании прав на наследство Византии Русское государство не было заинтересовано. Творческая политическая теория Русского государства утверждала, что русские князья изначально государи на своей земле, что русские князья происходят от императоров первого Рима.²

Австрийский император и римский папа говорили о праве Русского государства на наследство Византии и при Иване Грозном, надеясь втянуть таким образом Россию в войну с Турцией. Иван Грозный отказывался: „мы в будущем восприятия малого хотим, а здешнего государства всея вселенная не хотим, что будет ко греху поползновение“.³ Русское государство не было заинтересовано в войне с Турцией, на очереди стояла борьба с польско-литовским государством за возвращение исконно-русских земель.

Н. С. Чаев,⁴ проанализировав международное положение Русского государства в XVI в., приходит, однако, к неверному выводу, что теория Москвы — третьего Рима создана была для утверждения положения страны на мировой арене, что теория эта говорит о настоящем и будущем России. Настоящее, считает Чаев, это Москва — третий Рим и „апостольская церковь“, а будущее — „все царства православные снидошася в единое царство нашего государя“, т. е. по существу Н. С. Чаев считает теорию Москвы — третьего Рима программой

¹ Там же.

² Р. П. П и т о л и н а. Политическая теория русского государства в конце XV — начале XVI веков в дипломатической переписке. (Дипломн. работа), 1950.

³ Памятники дипломатических сношений, т. X, стр. 173, 174.

⁴ Н. С. Чаев. Исторические записки, № 17, 1945.

завоевания. Н. С. Чаев делает оговорку: „отнюдь не весь комплекс идей, разработанных в Москве, был пущен тогда в оборот“. Но зачем же тогда вырабатывался этот комплекс идей и можно ли не пущенные в оборот идеи считать государственной теорией?

Теория Москвы — третьего Рима не могла быть применима и во внутренней политике, так как она говорила об обязанностях великого князя только по отношению к церкви.

Но если хотя предположительно говорить о том, что появление теории Москвы — третьего Рима не было вызвано потребностью во внутренней политике Русского государства, нужно попытаться решить вопрос, почему же все-таки она возникла у Филофея. Для этого снова обратимся к Посланиям старца Филофея.

Послания, в которых Филофей сформулировал теорию Москвы — третьего Рима, как уже говорилось выше, в основном посвящены другим вопросам. О третьем Риме Филофей говорит только для того, чтобы показать великому князю его высокое положение, чтобы вынудить великого князя исполнить его просьбу. Каково же содержание этих Посланий?

В Послании к великому князю Василию Ивановичу, называя великого князя царем христиан всей поднебесной, он замечает: „подобает тебе, царю, сие держати со страхом божим“.¹ Филофей предупреждает великого князя, чтобы он не смотрел на золото и богатство и исполнил две заповеди: „во твоём царствии не полагают человецы на себе право знамения“, т. е. крестятся не по правилам, „да не вдовствует святыя божиа церкви при твоём царствии“.² Филофей имеет здесь в виду отсутствие епископа на новгородской епископской кафедре, Филофей ссылается на заповеди прадедов великого князя: великого Константина, св. Владимира и богоизбранного Ярослава. Однако Филофей не ограничивается этими двумя требованиями, он продолжает дальше: „не обиди, царю, святых божиих церквей и честных монастырей еже данное богови в наследие вечных благ на память последнему роду, о сем убо святый великий пятый собор страшное запрещение положи“.³ Так Филофей предупреждает великого князя против проведения секуляризации монастырских и церковных земель. Филофей просит искоренить нравственную распущенность среди монашества, затем просит уменьшить скупость, „избавить обидимых от руки обидящих“.

О содержании Послания к Мунехину говорилось выше, оно посвящено разоблачению латинства, разоблачается не только их вера „в злые дни и часы“, но, главным образом, их измена православию.

В Послании к великому князю Ивану Васильевичу Филофей призывает великого князя любить бога, а не серебро и золото. Это он

¹ В. М а л и н и н, ук. соч. Приложения, стр. 50.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 52.

говорит для того, чтобы предостеречь против проведения секуляризации. Повторяется опять та же формула, что и в Послании к Василию Ивановичу. Если кто начнет обижать церковь, „безаконно отоимая села и винограды или суд восхитаа, или привлачати епископа и попа или диакона и всякого священническаго чина“,¹ то его власть повелевает сечь, а имущество его отдать монастырям. Дальше идет интересное разъяснение: „аще же и самый венец носящии тако творити начнут, надеющиеся на богатство и на благородие, не покарятися начнут, не отдающе, их же обидеша, преждедеченную виною повинни да будут, по святых же правилех да будут прокляти“. Филофей говорит уже угрозами.

Дальше Филофей говорит о симонии. Забывая сказанное в священном писании — „поставленный по мзде да извержется“, — многие духовные лица и мирские власти продают духовные должности, они будут прокляты: „никто же бо благодати божия не продает“.

Послание в Царствующий град, принадлежащее перу Филофея, не говорит о теории Москвы — третьего Рима, но по теме своей близко к Посланиям к великим князьям. Это Послание Филофей пишет какому-то крупному церковному иерарху, оно тоже направлено против симонии. Филофей разоблачает своего адресата: к вам приходят многие желающие получить от царя священнический чин, — говорит он, „вы от тех возьмете скверныа добытки, корчемствующе, продающе священная места“.² Все продающие церковные места совершают великий грех.

Рассмотрев послания Филофея, в которых им сформулирована теория Москвы — третьего Рима, мы видим, что все они касаются смежных вопросов. Это обличение симонии, требование прекращения политики секуляризации и прекращения вдовства епископии, требование исправления „крестного знамения“ и пресечения пороков в среде духовенства.

Так, по мнению Филофея, высокое положение русского царя как „браздодержателя святых божиих престол“, налагает на него прежде всего обязанности главы духовного. Филофей только мимоходом останавливается на обязанностях светского государя. На первый взгляд они у него очень расплывчаты и неопределенны.

Обращаясь со своими посланиями к великим князьям, Филофей думал прежде всего о сохранении могущества духовенства, так как вдовство епископии приводило к тому, что все средства, которые должны были поступать епископу, шли в государственную казну; политика секуляризации подрывала самые основы могущества церкви; поставление на церковные должности за взятку приводило к перекатке средств из рук духовенства в руки мирских властей. Филофей

¹ Там же, стр. 59.

² Там же, стр. 67.

писал свои послания в защиту интересов церкви. На этом основании мы можем говорить о том, что и теория Москвы — третьего Рима возникла у Филофея в интересах церкви. Этим и объясняется то, что она получила распространение в церковных кругах.

Нетрудно заметить, что требования Филофея к „браздодержателю святых божиих церквей“ совпадают с программой иосифлян. Иосифляне возвеличивали власть светского государя и защищали ее потому, что видели в ней гарантию сохранения своего могущества. Таким же образом действовал и Филофей. Этим можно объяснить отчасти и то, что его теория, также как и иосифлянство, не стала государственной теорией — она была односторонней, говорила лишь об обязанностях великого князя по отношению к церкви.

Однако то, что теория Москвы — третьего Рима не стала официальной теорией московского государства в XVI в., еще не говорит о том, что эта теория не имела никакого положительного политического значения. Формула Москвы — третьего Рима была выражением величия Русского государства, утверждала его независимость, признавала единство Русского государства, указывала на Москву, как на центр Русского государства. Очень важно то, что это признание единства и величия Русского государства нашло свое выражение на самой окраине Русской земли, в области, которая позднее других была присоединена к Москве — в Псковской земле. Объективный ход истории сделал необходимым образование единого Русского государства, это было осознано в самом отдаленном северо-западном центре Русской земли — Пскове.

Интересно отметить, что даже тогда, когда Филофей говорит о делах церкви вообще, в нем чувствуется пскович. Требования к великому князю — конкретные требования псковского монаха: поставление за мзду на духовные должности „от мирских властель“ было распространено в Пскове. Вдовствовала новгородская епископия, значит, это имело прямое отношение к Пскову и Елеазарову монастырю. Вопрос о церковном землевладении в Пскове очень сложен: в летописи нет ни одного упоминания о том, что в Пскове проводилась секуляризация. Летопись говорит только о землях, отнятых у сведеных бояр, и рассказывает о землях, которые подарил Мунехин, дьяк великого князя, Псково-Печерскому монастырю, затем этому же монастырю дарил земли Иван Грозный. Исследователи этого вопроса, исходя из одинаковых посылок, приходят к противоположным выводам. А. Никитский¹ считает, что на основании Посланий Филофея, в которых говорится о секуляризации и фактах секуляризации земель в Новгороде, можно говорить и о секуляризации земель в Пскове. Н. Серебрянский² считает, что Филофей писал именно потому, что секуля-

¹ А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

² Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни Пскова. 1910.

ризация проводилась в Новгороде, и он хотел предотвратить ее в Пскове. Я думаю, что прав Н. Серебрянский. Секуляризации церковных земель могло не быть в Пскове уже потому, что у псковских церквей и монастырей не было таких крупных земель, как у новгородского духовенства, самые большие псковские монастыри кажутся бедными по сравнению с новгородскими монастырями.

Не одна только теория Москвы — третьего Рима в посланиях Филофея обнаруживает в нем сторонника присоединения Пскова к Москве. Эта его позиция подтверждается и остальными посланиями его.

В одном из списков послания Филофея в Псков „В беде сущим“ сохранилась заметка неизвестного современника о нем. Автор заметки рассказывает о том, как некоторые псковичи просили Филофея заступиться за них перед великим князем, „понеже той старец неисходен бе из монастыря и добродетельнаго его ради жития и премудрости словес знаем бе великому князю и вельможам“.¹ На основании этой фразы можно предполагать, что великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу были известны послания, не только им прямо адресованные. Старец Филофей отказался заступиться за опальных: „отречеса молити государя о их скорбех, смиряя себе, яко не имею дерзновения, но последи много показа дерзновение к государю и моления о людех, тако же и боляром и наместником псковским и обличи их о многой неправде и насиловании, не убоися смерти; великий же князь и вельможи его, ведуще его дерзость и беспопечение о сем веце, не смеша ничтоже ему зла сотворити“.²

Попробуем выяснить, почему же Филофей отказался заступиться за псковичей в своих посланиях: „В беде сущим“ и „К опальному вельможе“.

Эти два послания являются вариантами одного послания. Послание „В беде сущим“ было написано, вероятно, раньше, но так как послание „К опальному вельможе“ полнее, то мы ограничимся только его разбором.³ Как мы узнаем из Послания, Филофей пишет его в ответ на просьбу вельможи заступиться за него. Вельможа этот много раз подвергался наказаниям: у него конфисковали имущество, его ссылали, на него накладывали страшное наказание „стлучение царских очей“, теперь он тоже был наказан, на него было наложено „отлучение дому и праотеческое стяжание и всякого имени восхищение“. Филофей говорит, что он не имеет права заступиться, так как „вся бо приходящая скорбнаа человекам не без божиа промысла бывають“. Только у бога нужно просить милости, только бог может утолить царский гнев. Только раскаявшемуся придет прощение, прекратятся „от сильных

¹ В. М а л и н и н, ук. соч. Приложения, стр. 25.

² Там же.

³ Там же, стр. 7—24.

насилование и от врагов и от друзей наветы и оклеветание или от меньших и безродных унижение и безчестие“. Филофей говорит, что наказания всегда посылаются за грехи, просит вспомнить вельможу свои грехи: „еже к богу согрешил есть или человеком егда убо сам зло кому никако створих или неправдова кого в чем или обиду содея кому или чюжая имения себе лихойством или всякою неправдою восхитил“ и заканчивает перечисление грехов — „или государю неправдова и не повинуюся и злословя“. Последние слова дают основание для предположения, что вельможа заслужил гнев и наказание великого князя, выступая против него. Филофей предупреждает вельможу, чтобы в его сердце не вошло „помышление лукаво или к богу неблагодарение или на государя хулен помысл и глагол неблагочестив“, так как все действия великого князя всегда справедливы, он действует всегда по божьему велению, „сердце бо цареву в руце божи“. ¹ Поэтому вельможа не должен слушаться тех, кто подговаривает его „укорение износити на государя“. Только тогда бог услышит молитву, чтобы „умилостивилася душа царскаа и за нужу поместейцом устроил тя и вотчинку отдать“. Кончает Филофей свое Послание наставлением: „Обет полагай пред господем волю его творити и заповеди его хранити во всем, и государю тыщися верою служити и правдою и покорением, чтобы и вперед самому в конец не погибнути в сем веце и в будущем и царьской бы души не на вред“. ²

Таким образом, при разборе Послания выясняется не только то, почему Филофей отказался заступиться за опальных псковичей, но и взгляд Филофея на власть царя и на обязанности псковичей по отношению к нему. Филофей считает и учит этому опальных псковичей, что царь поставлен от бога, все делает только по божьему велению, поэтому все, что делает царь, справедливо. Нужно служить государю верой и правдой. Нужно покорно сносить наказания от великого князя, так как наказание всегда заслужено, действия великого князя всегда правильны. Такое представление о власти князя московского было у псковича, и он внушал его псковичам же. Таким образом, он служил делу образования единого Русского государства. Именно поэтому великий князь, „не смеша ничтоже ему зла сотворити“, великий князь оценил его деятельность.

Однако автор заметки о Филофее указывал, что Филофей иногда заступался за псковичей, обличал бояр и наместников псковских в „неправде и насиловани“. Вероятно не все „дерзновения“ Филофея дошли до нас, такое „дерзновение“ мы видим только в Послании великому князю Василию Ивановичу. Как сказано выше, Филофей в этом Послании говорит об обязанностях великого князя как главы государства. Филофей говорит великому князю, чтобы он не смотрел на золото и богатство и просит: „яко да премениши скупость на

¹ Там же, стр. 16.

² Там же, стр. 23.

щедроты и немилосердие на милость, утеши плачущих и вопиющих день и ночь, избави обидимых из руки обидящих“.¹ На первый взгляд эта фраза не представляет собой конкретного требования, а на самом деле Филофей имел в виду определенное явление. Чтобы понять смысл этой фразы, мы должны обратиться к рассказу о событиях 1510 г. Псковской I летописи, к Повести о псковском взятии. А. А. Шахматовым было отмечено, что Псковская I летопись по своей направленности близка посланиям Филофея. Это дало возможность А. А. Шахматову предположить, что свод 1547 г., лежащий в основе Псковской I летописи, принадлежит перу старца Филофея.² А. Н. Насонов присоединился к этому предположению.³

Мы оставляем открытым вопрос об авторе свода 1547 г. Однако известием I Псковской летописи воспользуемся. Повестью о псковском взятии мы должны считать только рассказ, начинающийся со слов: „в лето 7018“.⁴ Так как исторического предисловия нет в списках Тихановском, Погодинском и Оболенского, оно вероятно принадлежит одному из позднейших списков.

В октябре 1510 г., — рассказывает Псковская I летопись, — когда великий князь Василий Иванович был в Новгороде, псковичи жаловались ему на его наместников. Великий князь обещал псковичам „управу“, но задумал другое, сообщает летописец. Псковичи решили собрать „жалобные грамоты“ на князя Репню со всех волостей; посольство из бояр и купецких старост поехало в Новгород и было арестовано великим князем. Весть об этом была принесена купцом в Псков. В Пскове началось волнение, но псковичи решили, что им нельзя подниматься против великого князя, стали просить великого князя, чтобы он „жаловал свою отчину старинную“, „а мы сироты твои, прежде сего и ныне неотступны были от тебя, государя, и непротивны были тебе, государю; бог волен да и ты со своею отчиною и с нами, людишками своими“.⁵ Дьяк великого князя поставил псковичам два условия: они должны уничтожить вече и согласиться иметь двух наместников. Псковичам было трудно прощаться с последним символом своей былой самостоятельности, вечем, хотя вече давно уже было пережитком, решения его были бессодержательными, все дела решались великим князем. Псковичи отвечали великому князю: „так у нас написано в летописцах, с прадеды и деды и со отцем его крестное целование с великими князми положено, что нам псковичем от государя своего великого князя, кой ни будет на Москве, и нам от него не отойти ни в Литву, ни в немцы; а нам жити по старине

¹ Там же, стр. 54.

² А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении хронографа. СПб., 1899.

³ А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. Ист. зап., № 18, 1946.

⁴ ПСРА, т. IV, стр. 283.

⁵ Там же, стр. 285.

в добровольи; а мы, псковичи, отоидем от великого князя в Литву, или в немцы, или о себе учнем жити без государя, ино на нас гнев божий“.¹ Псковский колокол был увезен в Москву. В Псков приехал великий князь Василий Иванович. Летопись сообщает, что когда коломенский владыка поздравил великого князя „Псков взявши“, псковичи заплакали: „бог волен да государь, отчина есме его была изстари отцев его и дедов и прадедов его“.² Несчастья Пскова летописец объясняет божьим гневом: „сего ради самоволия и непокорения друг другу бысть сия вся злая на ны“. Василий ввел в Пскове новый порядок. 300 богатейших семейств были вывезены из Пскова, „животы легкие взяша с собой“, великий князь посадил в Пскове двух наместников, двух дьяков, наместникам велел „правды стеречи“, но наместники ослушались его приказания: „нача быти многие злые в них, быша немилостивы ко пскович“. Повесть заканчивается рассказом о насилиях наместников. Автор Повести так же, как Филофей, считает великого князя государем всея Руси, и Псков является, по его убеждению, исконной отчиной великого князя. Псков наказан за грехи, великий князь справедлив, псковичам трудно расставаться с символом своей былой независимости, но они покорно принимают все.

Совсем иное отношение у летописца к наместникам великого князя, все нарушения псковской старины воспринимаются им как злоупотребления наместников. Филофей солидарен с летописцем. Он просит великого князя: „избави обидимых от руки обидящих“, т. е. от наместников. Летописец рассказывает о конфискации имущества у трехсот богатейших семейств псковичей, рассказывает о введении „великого налога и тамги“, а Филофей требует: „примениши скупость на щедроты“.

Остальные послания Филофея повторяют те мысли, которые уже высказаны им в разобранных посланиях.

Что касается классовой принадлежности старца Филофея, то ее выяснить не удалось. Только одна фраза в его посланиях позволяет думать, что Филофей был представителем высших слоев общества. В Послании к опальному вельможе он пишет, что только бог может избавить: „от сильных насильования и от врагов и друзей наветы и клеветания и от меньших и безродных уничижения и бесчестия“, вряд ли Филофей стал бы писать о бесчестии от людей безродных и меньших, если бы сам к ним принадлежал. В своих приниженных обращениях к великому князю он никогда не говорит о своем происхождении, а только о своей грубости и невежестве.

Елезаров монастырь был одним из самых богатых монастырей в Псковской земле. До присоединения Пскова к Москве он выражал, возможно, княжескую точку зрения. После присоединения Пскова

¹ Там же.

² Там же, стр. 286.

к Москве Елеазаров монастырь больше в летописях не упоминается, вероятно, попадает в опалу. Вот в этом-то монастыре живет старец Филофей, создатель теории Москвы — третьего Рима, сторонник присоединения Пскова к Москве. Елеазаров монастырь находился недалеко от „обидных местечек“ Жолачки, Озолицы, этим можно отчасти объяснить возникновение промосковских настроений именно в этом монастыре, так как он больше других мог испытывать на себе тяжести борьбы с немцами, и необходимость искать помощи именно в Москве могла быть понята в нем раньше.

В связи с вопросом о творчестве Филофея необходимо остановиться на Хронографе 1512 г. А. А. Шахматов полагал, что Хронограф редакции 1512 г. был составлен в Пскове и что автором его, вероятно, был старец Филофей.¹ В своем предположении об авторстве Филофея А. А. Шахматов опирается на последнюю 208-ю главу Хронографа, которая рассказывает „О взятии Царяграда турками“. В этой главе отразилось личное творчество редактора 1512 г. Судьба Константинополя была предметом обсуждения Филофеем и Мисюрем-Мунехиным, сведения о Константинополе Филофей мог получить от Мисюря. Кроме того, А. А. Шахматов считает, что у автора повести о взятии Царяграда такой же взгляд на падение Константинополя и на будущее Русского государства, какой высказывает Филофей в своих посланиях.

Что же собой представляют политические взгляды автора повести о взятии Царяграда? Автор рассказывает о том, как много земель было завоевано турецким султаном, который при последнем царе Константине „поплени царствующий град“.² Далее идет рассказ о создании Константинополя: „Создан бысть великим первым царем благочестивым и равноапостольным Коньстянтином и обновлен бысть оть святых отец, иже на первом соборе 318, и наречен Новый Рим, вонже ото всяя вселенная вся благая божественная и человеческая вселена быша. И тогда убо радостна и светлая и вся веселия исполнена и во вся времена растяше и умножашеся“. Автор называет Константинополь вторым Римом, как и Филофей. Нужно отметить, что формула „всяя вселенная вся благая божественная и человеческая вселена быша“ применена здесь к Константинополю, хотя ему не были подвластными все христианские царства, значит, вселенность Рима не предполагала обязательного подчинения ему государств.

Царство расширялось, рассказывает дальше автор, до последнего царя Константина, когда „приемлему граду от безбожных турок“, которые весь царствующий град в „запустение конечное положи“, но никто не противится воле божией, так как страшное бедствие послано за грехи: „сиа приемлет нашего ради исправления, аще ли мы согрешаем ему, и наших ради грех и та святая презирает и в попра-

¹ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1889.

² ПСРА, т. XXII, 1911, стр. 437.

ние сия и нас незаконником предает, якоже ныне видети есть царствующий град попран и раскопан и пожжен огнем“.¹ Представление автора о преемстве царств и подвижном городе Рима совпадают со взглядами Филофея.

Дальше автор говорит, что за истинное покаяние бог может простить грехи, „яко не до конца положи во отчаяние благочестивая царства:... и сего ради остави нам семя... сие же семя яко искру скры в пепеле — во тме неверных властей: семя же глаголю — патриаршескиа и митропольскиа и епископъскиа престолы, и не точию семя сие, но и глава православныа веры, иже неврежени пребывают по всем градом в священных церквах“.² По мнению А. А. Шахматова представление о том, что христианство не окончательно покорено турками, совпадает с мнением Филофея, что „турки не насилуют от веры отступати“. На этом основании Шахматов и приписывает Филофею повесть.

Трудно согласиться с этим мнением А. А. Шахматова. Во-первых, Филофей считает причиной падения Константинополя, как центра православия, более страшное событие, чем завоевание турками — соединение „с латынею на осмом соборе“.³ Филофей не мог говорить о сохранении „неврежени“ патриаршего престола и о том, что престол остается главой православной веры.

Во-вторых, автор повести говорит, что так как престолы остались невредимы, то „православнии же от сего надежу имеют, яко по доволнем наказании нашего согрешения паки всеисильный господь погребеную, яко в пепеле, искру благочестия в тме злочестивых властей вождет зело и попалит измаилт злочестивых царства, якоже терние, и просветит свет благочестия и паки возставит благочестие и царя православныа“.⁴ У автора есть надежда, что Константинополь — Новый Рим возродится, и царь константинопольский будет царем православным. У Филофея же на такое возрождение надежд нет. Второй Рим пал окончательно: „греческое царство разорися и не созижеться“.⁵ На смену ему приходит новый третий Рим. Автор Хронографа считает, что православие восстановится, хотя, по его мнению, только русское царство и сохранило верность православию — „наша же Росиская земля божией милостию и молитвами пречистыа богородица и всех святых чудотворецъ растет и младеет и возвышается“.⁶ Можно думать, что автор надеется на возрождение византийского православия через русское царство. Но это не так. Для возрождения православия нужно победить турок, а русским это не нужно было. Восстановление право-

¹ Там же, ч. I, стр. 438.

² Там же, ч. I, стр. 439.

³ В. М а л и н и н, ук. соч., стр. 63.

⁴ ПСРА, т. XXII, ч. I, стр. 439.

⁵ В. М а л и н и н, ук. соч., стр. 41.

⁶ ПСРА, т. XXII, ч. I, стр. 439.

славия у автора Хронографа произойдет в будущем, а Филофей уже в это время считал русского царя главой всех православных. У автора повести нет еще представления о Москве, как о третьем Риме, но есть представление о единстве Русской земли, о ее величии, могуществе и вера в великое будущее Русской земли: „ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети и расширятся и до скончания века“.¹

Таким образом, вероятнее, что Хронограф редакции 1512 г. написан не Филофеем, так как на основе указанного материала можно судить о некоторой разнице во взглядах Филофея и автора или редактора Хронографа 1512 г. Но хотя автор еще не говорит о Москве — третьем Риме, он видит величие Русской земли, сознает ее единство и возрастающую мощь. Тем интереснее для нас Хронограф 1512 г.; на основе его можно говорить о том, что сознание единства и величия Русского государства было в Пскове² не только у Филофея, но и у другого выдающегося писателя, независимо от него и одновременно с ним.

Наконец, отметим, что в Пскове было создано и еще одно произведение с той же яркой общерусской идеологической окраской — так называемая Хронографическая Толковая Палея. Хронографическая Толковая Палея известна, главным образом, в псковских списках 2-й пол. XV в. и, как доказывал акад. В. М. Истрин, была создана в Пскове.³ Эта Хронографическая Толковая Палея заканчивалась обширным прославлением Русской земли, русского языка и князя Владимира. Мировая история рассматривается в этом произведении как преддверие к истории русской. Русь и русское православие для составителя Хронографической Толковой Палеи — итог, завершение всей истории человечества. Любопытна теория самостоятельного происхождения русской грамоты, высказанная в этой Хронографической Толковой Палее. Анализируя рассказ жития Константина о том, что Константин встретил в Херсонесе (Корсуне) русского, имевшего у себя русские книги, автор пскович приходит к выводу, что русская грамота не была изобретена Константином-Кириллом, а что сам Константин-Кирилл воспользовался для своей миссионерской деятельности среди славян той самой русской грамотой, которую он нашел у неизвестного русского в Херсонесе: „Се же буди ведомо всеми языки и всеми людьми, яко же русские язык ни от куду же приа святые веры сия и грамота русскаяа никим же явлена, но токмо самим богом вседержителем отцом и сыном и святым духом, Володимеру святой дух вдохнул

¹ Там же, стр. 440.

² А. А. Шахматов считал, что Хронограф 1512 г. был написан в Пскове на том основании, что конец его, обрывающийся на 1442 г., был дополнен псковскими летописями и только в таком списке сохранился.

³ В. М. Истрин. Очерк истории древне-русской литературы домосковского периода. Пгр., 1922, стр. 222—223.

веру прияти и крещение от грек и проча наряд церковный, а грамота русскаа явилася богом дана в Корсуне руску, от нея же научися философ Константин, отуду сложив, написав книги русским гласом. И еврейстей грамоте тогда же извыче от самарянина в Корсуни. То же муж русин бысть благоверен помыслом и добродетелею в честней вере един уединився и тый един от руска языка явися преж крестьянный и не ведом никем же откуда есть бысть“.¹ Приведенный нами текст представляет интерес не только для изучения общерусской идеологии в Пскове, но и для изучения происхождения русской письменности.

Наконец замечательно, что в псковской Хронографической Толковой Палее также выражена идея преемства царств. Автор пскович называет Киев вторым Иерусалимом: „сие чудо, яко второй Иерусалим на земли явися Киев и второй Моисей явися — Володимир...“.

Таким образом, сознание единства Русской земли, сознание необходимости образования единого Русского государства жило не только в Москве. В Пскове тоже были сторонники присоединения Пскова к Москве. Их точка зрения была выражена старцем Филофеем в его посланиях, автором повести о псковском взятии Псковской I летописи, редактором Хронографа 1512 г. и автором Хронографической Толковой Палеи.

Теория Москвы — третьего Рима, созданная Филофеем, не стала государственной теорией Русского государства и была распространена только в церковных кругах. Однако эта теория имела положительное политическое значение: формула Москва — третий Рим была выражением величия Русского государства и его независимости. Пскович говорил о единстве Русской земли, о центре Русского государства в Москве. В посланиях Филофея мысль о единстве Русского государства находит себе подтверждение. Филофей говорит о божественном происхождении власти великого князя, царя, о необходимости подчинения ему, требует от псковичей службы великому князю верой и правдой. Своей деятельностью, своим творчеством старец Филофей служил делу укрепления единого Русского государства. Центристские силы поддерживали деятельность „инициатора“ создания централизованного государства на Руси.

II. Игумен Корнилий — представитель боярской оппозиции в Пскове

А. Н. Насонов, занимаясь воссозданием истории псковского летописания, доказал существование особой Псковской III летописи и ее принадлежность перу игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия.² Это открывает перед нами новый источник для изучения социально-политической борьбы в XVI в. А. Н. Насонов отмечает оппозиционность, даже враждебность Псковской III летописи по отношению

¹ В. М. Истрин. Редакции Толковой Палеи, I—V. СПб., 1907, стр. 61.

² А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. Ист. зап., № 18, 1946.

к великому князю на основе некоторых отдельных очень ярких известий Псковской III летописи: таковы известия о событиях 1510 г., осуждение вторичной женитьбы Василия III и другие.

Однако А. Н. Насонов не ставил себе задачей дать характеристику взглядов Корнилия на основе разбора его произведений, поэтому в его работе не показана та социально-политическая борьба, источником для изучения которой может явиться Строевский список (Псковская III летопись), не показана связь социально-политической борьбы в Пскове с общерусской социально-политической борьбой, не вскрыты причины враждебности Корнилия к великому князю. Отмечая сокращение Корнилием летописи, А. Н. Насонов не раскрывает планомерности и симптоматичности этих сокращений, искажения и фальсификации Корнилием истории.

В Псковской III летописи (в дальнейшем летописи Корнилия) отразилась оппозиционная по отношению к Москве идеология псковского боярства. Точка зрения автора этой летописи противостоит точке зрения на Москву Филофея, выраженной им в его посланиях, и идеям Псковской I летописи. На основании сравнения I и III псковских летописей, особенно их рассказов о событиях 1510 г., можно говорить не только о противоположности этих двух точек зрения, но и о их борьбе.

Между летописью Корнилия и Псковской I летописью (т. е. списками Тихановским, Погодинским и Оболенского) на первый взгляд нет той резкой разницы, которая существует между Псковской I и Псковской II летописями.¹ Псковская II летопись (Синодальный список), по мнению А. Н. Насонова, восходит к древнейшему своду, который стал протографом всех псковских летописей, но свод этот дополнен устными источниками. О многих событиях рассказывается в Псковской II летописи совсем иначе, чем в других списках. Иногда уделяется много внимания не тем событиям, которыми интересуются другие летописи. В Псковской II летописи очень подробно излагается дело о смердьей грамоте. Однако это не является достаточным основанием для того, чтобы считать авторов Псковской II летописи сочувствующими „черным людям“, а такой взгляд распространен в советской историографии. В рассказе о событиях 1483—1486 гг. этого сочувствия нет. Основное содержание летописи составляют краткие сообщения о строительстве церквей и оборонительных сооружений, о знамениях от икон. Автор не обнаруживает широкого кругозора, широких интересов. Не ясна классовая позиция автора.

Разница между Псковской I летописью и летописью Корнилия принципиально иная. В основе своей они имеют, вероятно, один свод конца XV в., часть известий в этих летописях совпадает. Но в трактовке ряда известий, в изображении некоторых событий, встречаются

¹ Здесь и ниже принимаем нумерацию псковских летописей, предложенную А. Н. Насоновым в его издании „Псковские летописи“, вып. 1 (М.—Л., 1941).

такие различия, такие смелые редакторские исправления, проникнутые единой политической мыслью, что они-то и заставили А. Н. Насонова назвать Строевский список особой Псковской III летописью. Строевский список был написан в 60-х годах XVI в. в Псково-Печерском монастыре при игумене Корнилии. Эта мысль, впервые высказанная издателем IV тома ПСРЛ в 1848 г., окончательно доказана А. Н. Насоновым.

Псково-Печерский монастырь был основан в 70-х годах XV в. священником Иоанном или Ионой, как говорит Повесть о Печерском монастыре.¹ В Повести резко подчеркивается особенное положение монастыря на самой границе с Ливонией, „в порубежном“ месте. Монастырь не был богатым, в нем было вначале два или три монаха, и служба происходила не каждый день. Монастырь постоянно подвергался нападениям немцев. В этой связи интересно отметить, что Повесть называет Иону — основателя монастыря шестником (шестниками назывались в Пскове князьи люди — люди великого князя московского). Повесть объясняет это название Ионы так: „род же, глаголют, ти бы измлада московския земля, и сего ради зваху его псковичи чрез имя шестником“.² Таким образом, уже самое основание монастыря можно объяснить задачами обороны границ Русского государства. Борьба псковичей с немцами наложила отпечаток на жизнь Ионы. Из Юрьева бежал он от преследования немцев. Когда же Иона умер, оказалось, что вместо вериг он носил под рясой кольчугу, носил тайно: „по смерти же его обретоша на нагом теле его пансырь колчатый; тело же его все яко изваяно сквоз кольца“. Носил кольчугу он, конечно, не потому, что сделать вериг не мог, но носил ее или на случай внезапного нападения или потому, что и в монашестве не распрощался с теми интересами, которые владели им „в миру“.³

Повесть дальше рассказывает подробно о нападениях немцев на Печерский монастырь, о борьбе монахов вместе с русскими воинами против немцев. Военное значение Псково-Печерского монастыря особенно ярко стало обнаруживаться позднее, во время Ливонской войны и при нападении на Псков Стефана Батория.

Псково-Печерский монастырь становится крупным и богатым только после присоединения Пскова к Москве. Впервые обратил внимание на этот монастырь московский дьяк Мисюрь Мунехин. Он дает монастырю землю и средства для укрепления монастыря. Затем дальнейшее укрепление и расширение земельных богатств монастыря происходит уже при Иване Грозном, когда жизнь монастыря была связана с деятельностью игумена Корнилия. Псково-Печерский монастырь, расположенный на Ливонской границе, был не только центром колонизации

¹ Погодинское собрание № 643, л. 178 об. (хранится в Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) или Собрание БАН 38-4-40, л. 146.

² Там же, л. 181.

³ Там же, лл. 185 и 185 об.

(эта его деятельность получила развитие особенно после Ливонской войны), но и важнейшим оборонным пунктом Пскова против немцев. Эта его роль очень скоро была понята московскими князьями, поэтому они и стали покровительствовать монастырю. Во времена Грозного монастырь уже больше походил на могучую феодальную крепость, чем на тихую обитель. Строительству оборонительных сооружений в нем уделялось едва ли не больше места, чем церковному строительству. Но пограничное положение Псково-Печерского монастыря и его крепость создавали больше возможностей к его обособлению. Это и сказалось уже в те времена, когда Псков был присоединен к Москве, когда монастырь стал уже богатым и влиятельным. Это и было одной из причин возникновения в монастыре оппозиционного настроения по отношению к Москве. Псково-Печерский монастырь возник при поддержке московских властей, разбогател при Москве, выполнял службу Москвы. Однако московские власти, поддерживая монастырь, создали материальную возможность для появления оппозиции в нем.

Борьба боярства против политики укрепления Русского централизованного государства, проводимой великими князьями московскими, нашла свое выражение в псковской земле в деятельности и настроениях игумена Псково-Печерского монастыря и автора или редактора Псковской III летописи — Корнилия.

Данные биографии Корнилия мы узнаем из Повести о начале Псково-Печерского монастыря¹ и из псковских летописей. Корнилий стал игуменом Псково-Печерского монастыря в 1529 г., когда ему было 29 лет. Получение игуменства в таком возрасте было явлением исключительным, его можно объяснить или авторитетностью Корнилия или его происхождением. Игуменство Корнилий получил уже после присоединения Пскова к Москве, и расцвет монастыря связан с его именем. Корнилием были выстроены в монастыре соборы Благовещения и Николая Чудотворца над крепостными воротами, Печерский двор и церковь Богородицы Одигитрии в Пскове. Во время Ливонской войны Ивана Грозного Корнилий строит каменную крепость вокруг монастыря, которая сохранилась до сих пор. В его игуменство православная вера распространяется в завоеванных областях Ливонии. Н. Серебрянский полагает, что именно с деятельностью Корнилия связано появление в этих областях так называемых полуверцев² — эстонцев, обращенных в христианскую веру, в обрядности и быту которых сохранились отголоски язычества.

Корнилий начинает занимать одно из первых мест среди псковского духовенства. Под 1558 г. летопись Корнилия рассказывает о той видной роли, которую играл Корнилий во время Ливонской войны: именно

¹ БАН 38. 4. 40. Повесть о печерском монастыре иже во псковской области, лл. 146—159 об.

² Н. Серебрянский, ук. соч., 1910, стр. 344.

ему вместе с юрьевским архимандритом, протопопом псковской церкви Троицы, и протодьяконом поручил Иван Грозный нести чудотворные образа богородицы и святого Николая. А когда после этого московские воеводы в 1558 г. одержали много побед, взяли города Новый, Керепею, Курслов, Юрьев, Раковор, победы были приписаны „пречистыя богородицы молитвам“. Это известие очень типично для Строевского списка: все делается помощью „пречистыя“ — главной святыни Печерского монастыря, а не Троицы — патрональной святыни Пскова.

Вероятно, в это свое пребывание в Пскове князь Андрей Курбский познакомился с Корнилием. Некоторое время он даже жил возле Печерского монастыря. Здесь им было „писано дело государское“, которое он должен был спрятать под печью вместе с „тетратками“ „страха ради смертнаго“.¹ В дальнейшем Андрей Курбский и Корнилий поддерживают связь между собой, как можно заключить из произведений Андрея Курбского и четырех его посланий в Псково-Печерский монастырь. Послания эти посылаются обыкновенно не Корнилию, а старцу Вассиану, его ученику и помощнику. Андрей Курбский видит в Корнилии своего единомышленника, а потому отзывается о нем с большим уважением: „муж свят и во преподобии мног и славен: бо от младости своей в мнишеских трудах провозсиял и монастырь предреченный воздвиже“.² Как мы узнаем из послания Андрея Курбского к Вассиану,³ Корнилий не раз давал деньги Курбскому. Курбский говорит Вассиану, что ему Псково-Печерский монастырь обязан своим благополучием: „и ныне есть не в трепете, ни во ужаси, но в тишине и в мире глубоце, да и трудов ради наших от царя силы и различными угодин одарены вы же“.⁴ Поддерживал Корнилий связь с Андреем Курбским и после измены Курбского. Андрей Курбский уверен в сочувствии Корнилия: „и многажды много вам челом бью, помолитесь о мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают“.⁵ Отказ в деньгах, о котором мы узнаем из Послания, был, вероятно, случайным.

В 1560 г. Корнилий, по сообщению летописца, „помог“ взять город Вельян царским войскам: в праздник Успенья богородицы послал со святой водой священника, а вечером город от ядер загорелся и был взят. Воеводами в монастырь был прислан вельянский колокол. На известии 1567 г. летопись Корнилия обрывается.

В 1570 г. Корнилий встречает Ивана Грозного во время его приезда в Псков. Об этом мы узнаем уже из Псковской I летописи, а из повести о начале Печерского монастыря узнаем о казни Корнилия:

¹ Сочинения князя Курбского, т. I. Русск. ист. библ., т. 31, СПб., 1914, стр. 359—360.

² Там же, стр. 320.

³ Там же, стр. 405.

⁴ Там же, стр. 406.

⁵ Там же, стр. 381.

„летом сый яко 69, от тленного сего жития земным царем был пред-послан к небесному царю в вечное жилище“ (ср. у Курбского: „тогда же убиен от него Корнилий игумен Печерского монастыря“). „Тогда убиен вкупе с ним другой мних, ученик того Корнилия, Вассыян именем, по наречению Муромцев: муж был ученый и искусный и во священных писаниях последователь“.¹ Причина казни Корнилия и Вассиана была предметом многих предположений и споров историков. Но, как заметил А. Насонов, причины казни Корнилия могут быть выяснены при знакомстве с его летописями. Однако А. Н. Насонов не проанализировал до конца его летописи.

Как мы уже говорили, изменения в летописи Корнилия² по сравнению с Псковской I летописью проникнуты единой мыслью. Каковы же особенности летописи Корнилия? Какова идеология автора или редактора ее?

Автором летописи Корнилия вносятся изменения уже в известия XV в. Они незначительны, но показательны. Так, например, к сообщению списков Псковской I летописи о смерти князя Ивана, сына великого князя Василия Дмитриевича, Строевский список добавляет, что князь этот был „вятшем“ сыном великого князя, тем самым ясно давая понять, что великий князь Василий Васильевич не лучший из сыновей Василия Дмитриевича.³ В изложение событий 1443 г. вносятся уже значительные изменения: приехал наместник великого князя Александр Васильевич — „целоваше крест ко князю великому Василью Васильевичу и ко всему Пскову и на всей псковской пошине“.⁴ А в Тихановском списке Псковской I летописи мы читаем: „целова крест ко князю великому Василию Васильевичу и ко всему Пскову по псковской пошине, по князя великого слову и по его воле“. Ясно, что автор Строевского списка стремится затушевать ведущую роль великого князя в его назначении, не хочет дать в летописи юридического обоснования подобного назначения князей в Псков в дальнейшем. Получается видимость добровольного подчинения псковичей.

О событиях 1462 г. Псковская I летопись говорит с осуждением: людей, „сопхнувших со степени“ князя Владимира Андреевича, она называет „невегласами“, злыми людьми. Между тем летопись Корнилия сочувствует этим псковичам, осуждает Владимира: „он приеха не по псковской старины, псковичи не зван, а на народ не благ, изо Пскова с бесчестием поеха на Москву к великому князю Ивану Васильевичу

¹ Там же, стр. 321.

² Погодинское собрание, № 1413. Хранится в Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

³ Там же, л. 72. — В Псковской I и Псковской III летописях несколько раз встречаются жалобы на великого князя Василия Васильевича: в 1427 г. посол его не „учинил никоея помощи своим посольством“, в 1455 г. у новгородцев „добрых людей побиша много“ и т. д.

⁴ Там же, л. 93.

жалится на пскович¹.¹ Не признает летописец князя, привезенного по воле великого князя безо всякого на то желания псковичей.

Подробно описывает летопись Корнилия приезд Софьи Палеолог в Псков, в то время как в Псковской I летописи об этом событии сообщается очень кратко. Это блестящий эпизод в истории феодального Пскова: Псков встречает царевну как дружественная самостоятельная боярская республика. Интересно подчеркнуть, что в это время прямого наместника великого князя в Пскове не было.

Часто летопись Корнилия намеренно выпускает известия о наместниках великого князя: 1488 г. — смерть Ярослава, 1489 г. — отъезд Константина в Литву. Почти совсем летопись не говорит о делах общерусских, как, например, под 1492 г. пропущено известие о том, что воеводы великого князя взяли Нарову, под 1496 г. — о походе на Свею, под 1509 г. — о походе Углицкого и Волоцкого князей к Казани.

Под 1490 г. в летописи Корнилия умалчивается о том, что псковичи по требованию великого князя ходили к Иван-городу. Под 1499 г. летопись Корнилия говорит только о том, что великий князь отдал Новгород и Псков своему сыну, тогда как в Псковской I летописи за этим сообщением следует длинный рассказ о том, что псковичи отказывались целовать крест Василию, а просили Ивана Васильевича и его внука „держать их по старине“, на что великий князь отвечал им: „ино кому хочю, тому дам княженство“.² Летопись намеренно выпускает это свидетельство о реальной силе великого князя в Пскове.

Выпускаются известия, говорящие о совместной борьбе москвичей с псковичами против немцев и Литвы. Нет известий 1500 г. о победе московских воевод над литовскими воеводами, нет рассказа и о том, как псковичи „не ослушались“ великих князей и помогали им против Литвы. Под 1501 г. нет известия о том, что псковичи дрались вместе с москвичами у Изборска и были „на государьской службе в Литовской земли“,³ как в этом же году просили помощи у великих князей, и „князи великии ялися отчину свою боронити от немец“.⁴ Рассказывая о том, как немцы взяли Остров, летописец не говорит, что москвичи боролись вместе с псковичами.

После событий 1510 г. летопись Корнилия продолжается в том же духе. Выпущены известия 1511 г., где говорится о добрых наместниках великого князя, о том, что псковичи помогали великому князю под Смоленском.

О начале Печерского монастыря в летописи Корнилия, принадлежащей Печерскому монастырю, написано очень мало. В других

¹ Там же, л. 112 об.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 275.

³ Там же, стр. 273.

⁴ Там же.

летописях подробно рассказывается о монастыре, о его чудесах и славе „не токмо в Руси, но и в Латыне, рекше в Немецкой земли, даже и до моря Варяжска“.¹ О Мисюре Мунехине, который снабжал монастырь средствами, говорится коротко — помогал. Важно отметить, что и в других местах летописи, когда Псковская I летопись говорит о Мисюре, Строевский список опускает эти известия. Это происходит потому, что Мисюр Мунехин был олицетворением московской власти в Пскове. Замалчивание его имени явно тенденциозно, так как 18 лет, с 1510 г. до своей смерти, Мисюр играл виднейшую роль в жизни Пскова. Опущено сообщение о том, что дьяк Мисюр Мунехин вместе с наместником великого князя водил войско псковичей под Бреслав. В 1521 г. Мисюр от имени Пскова заключил мир с немцами по приказанию великого князя — летопись Корнилия это известие опускает. Нет известия в летописи Корнилия о том, что в 1523 г. Мисюр выступал посредником между великим князем и ревельским архиепископом. В 1525 г. Мисюр построил по приказанию великого князя „стрельницу каменную на Гремячей горе“. В 1528 г. Мисюр умер в Пскове, был похоронен в Псково-Печерском монастыре, а имущество его взял себе великий князь. Всех этих известий в летописи Корнилия нет. Замалчивая деятельность Мисюра, летописец стремится понизить престиж великого князя в Пскове.

Можно было бы допустить, что известия о Мисюре не выпускаются Корнилием, а вставлены редактором Псковской I летописи, составленной или Филофеем, тесно связанным с Мисюрем, или кем-нибудь из окружения Филофея. Но для такого предположения нет достаточных оснований: во-первых, известия, которые пропускает Корнилий, никогда не бывают посвящены одному Мисюрю, так что пропуски эти делаются с большим ущербом для летописи. Во-вторых, Мисюр был хорошо известен монахам, ведь он первый сделал их монастырь значительным. То, что монахи замалчивают не только его видную деятельность в Пскове, но и его погребение в монастыре, конечно, не случайно.

В 1517 г. во Пскове обвалилась стена, и Иван Фрязин ее восстановил, „стена стала сорок сажень великому князю семьсот рублев, oprочи повозу поповского, а псковичи песок носили решетом сеючи“. Летопись Корнилия опускает это известие об укреплении великим князем псковских оборонительных сооружений. Печерская летопись осуждает вторичную женитьбу Василия Ивановича: „прелюбы творит“.² Между тем, в других списках трогательно рассказывается о горе Василия Ивановича; вторичную женитьбу ему подсказывают бояре.

Об Иване Грозном Корнилий пишет в духе обличения, а возможно и клеветы. Иван Грозный с братом Георгием был в Новгороде, затем в Печерах, Ворониче и Пскове и уехал, „не управив своей отчины

¹ Там же, стр. 293.

² Погодинское собрание, № 1413, л. 218.

ничего; а князь великий все гонял на мсках, а христианом много протор и волокиды учинив“.¹ Здесь также рассказывается иначе, чем в других летописях о царской женитьбе и венчании: „и восхоте царство устроить на Москве; и якоже написано в пакалипсей глава 54: пять бо царев минуло, а шестой есть, но не убо пришло, но се абие уже настало и приде“.² Слова из Апокалипсиса приводятся Корнилием здесь вторично, но не до конца. В рассказе о событиях 1510 г. дальше идут слова об антихристе, между тем, в других летописях рассказывается о молитвах Ивана Грозного Троице, Печерской богородице и о том, что Иван Печерскому монастырю дал сёл много и садами пожаловал многими. Об этих подаренных Псковско-Печерскому монастырю землях как раз в Печерской летописи нет ни слова.

Таким образом, автор или редактор Псковской III летописи неизменно враждебно относится к великим князьям. Он не только сильно искажает, — он фальсифицирует историю. В его летописи не отмечается все возрастающая зависимость Пскова от Москвы; роль Москвы в обороне Пскова от немцев и Литвы сведена на-нет; присоединение Пскова к Москве рассматривается как насилие. Общерусские события Корнилия не интересуют. По Корнилию, Псков живет до самого 1510 г. жизнью самостоятельного боярского государства, никому не подчиняясь, ни от кого не завися, ни в чьей помощи не нуждаясь.

Сравнивая летопись Корнилия с Псковской I летописью, можно отметить еще одну интересную особенность: в летописи Корнилия выпущены все те известия, на основании которых можно судить об ожесточенной классовой борьбе в Пскове. Так, о деле со смердью грамотой в Строевском списке нет ни слова, в то время как оно является ярчайшим фактом классовой борьбы в Пскове; нет известия 1483 г. о том, как секли дворы у посадников, о том, как в 1484 г. была обнаружена новая смердья грамота, о пяти посольствах в Москву, о том, что в течение двух лет сила на вече была в руках „черных людей“, о вмешательстве великого князя в эти события, о возобновлении этого дела в 1486 г. Между тем, обо всех перечисленных событиях рассказывается и в Псковской I и в Псковской II летописях, хотя и в совсем различных редакциях. Под 1495 г. выпущены известия о том, как на вече бесчестили священников и дьяконов за то, что они не хотели дать людей на войну в помощь великому князю.

Корнилий несравненно больше других летописцев стремился затушевать классовую борьбу в Пскове, представить жителей Пскова как однородную массу. Это может говорить о принадлежности Корнилия к классу, который был заинтересован в таких представлениях, к классу боярства. Сравнивая летопись Корнилия с другими летописями, можно отметить в ней определенное и ярко выраженное отрицательное отно-

¹ Там же, л. 223 об.

² Там же, л. 224.

шение к Новгороду. О событиях 1478 г. в Новгороде, о разгроме новгородцев великим князем летопись Корнилия пишет гораздо подробнее, чем Псковская I летопись, где летописец говорит, что „иное бы писал, и не имею что писати от многия жалобы“.¹ Печерский летописец относится к этим событиям безразлично, если не враждебно: „Се же все бысть по строению божию; что ми о сем промышляти много, или писанию предавати? Якоже бо богу годе, тако и зде все совершишася“.² Подробно рассказывается и о жалобах псковичей великому князю на новгородцев. Здесь отразилась больше, чем в других летописях, феодальная вражда с Новгородом и феодальные интересы.

В летописи Корнилия нет не только повести о псковском взятии, но и Послания митрополита Симеона и Послания игумена Памфила. Однако, повидимому, эта вставка повести и посланий сделана редактором Псковской I летописи, так как послания по их тематике и направленности близки Филофею.³

Запись событий 1510 г. прямо отвечает на вопрос об отношении Корнилия к Москве, к факту присоединения Пскова к Москве. Эта короткая запись, по сравнению с Повестью о псковском взятии, подходит на перечень обвинений великого князя: „В лето 7018. Приехал в Псков князь великой Василей Иванович, месяца генваря 24 день, и обычай псковской переменял и старину порушил, забыв отца своего и дедов его слова и жалованья до пскович и крестного целованья, да уставил свои обычаи и пошлыны новыя уставил“.⁴ Дальше рассказывается о том, как отнял отчину у псковичей, 300 человек вывез, а 6500 дворов выселил из застенья, а „писал Пскову мягко: яз ден князь великий Василий Иванович вас, отчину свою, хочу жаловати по старине, а хочу побывать у святой Троицы, управы вам хочу учинити“, — и заканчивает свою запись словами из Апокалипсиса: „пять бо царей минуло, а шестой есть, но не убо пришел, шестое бо царство именует в Руси Скифского острова; ни бо именует шестой, а седьмый потом еще, а осьмый антихрист... сему бо царству расширятся и злодейству умножатся“. Сравнивая заключение Корнилия с произведениями Филофея и Хронографом 1512 г., мы можем сделать вывод, что Корнилию были хорошо знакомы эти произведения. Заключение Корнилия об антихристе является пародией на рассуждения Филофея о трех Римях. Слова „сему бо царству расширятся и злодейству умножатся“ являются пародией на слова из Хронографа 1512 г.: „ей же (Русской земле. — Н. М.) дажь расти и младети и расширятся и до скончания века“.

Мы не можем получить представления о положительной программе Корнилия, так как им самим составлены только известия 1510 и 1547 гг.

¹ Псковские летописи, 1941, стр. 75.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 261.

³ В. М а л и н и н, ук. соч., стр. 122—123.

⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 282.

Возможно, что у Корнилия и не было положительной программы. Прогрессивная мысль, прогрессивные классы создали положительную программу, реакционное направление может спорить с этой программой, своей же положительной программы оно им противопоставить не может.

Итак, Корнилий в Строевском списке искажает, фальсифицирует историю Пскова. Резко отрицательно относится он к великим князьям еще задолго до присоединения Пскова к Москве. Он не признает возрастающей зависимости Пскова от Москвы. Он рисует историю Пскова как историю самостоятельного государства и не признает необходимости связи с Москвой. Он стремится изобразить псковичей как однородную массу населения, единый народ, без классовых конфликтов и противоречий. События 1510 г., окончательное присоединение Пскова к Москве Корнилий расценивает как насилие и нарушение старины. „Сему бо царству расширяться и злодейству умножатися“, с иронией говорит Корнилий. А в I Псковской летописи псковичи говорят о себе: „отчина есме его была изстари отцев его и дедов и прадедов его“.¹

Взгляды Корнилия говорят о реакционности и ограниченности его мировоззрения, о местной узости его интересов. О том, что оппозиция Корнилия была именно оппозицией боярства, говорит, во-первых, то, что только боярство не было заинтересовано в присоединении к Москве и единственно оппозиционным власти великого князя было боярство. Во-вторых, это подтверждается и стремлением Корнилия затушевать классовую борьбу, и его отношением к Новгороду, в котором отразилась феодальная борьба Пскова и Новгорода. Это подтверждается также и общностью интересов Курбского и Корнилия.

Мы можем говорить о близости Корнилия к партии нестяжателей, как мы говорили о принадлежности Филофея к иосифлянам. Тогда борьба Корнилия и Филофея будет, между прочим, отражать борьбу нестяжателей и иосифлян.

О нестяжательстве Корнилия можно говорить только на основании косвенных данных. Корнилия нельзя сравнить с идеологом нестяжательства Нилом Сорским, но можно сравнить с Вассианом Патрикеевым — вождем реакционного боярского, антигосударственного движения. Отрицательное отношение к великому князю, сепаратистские настроения, феодальные интересы Корнилия могут подтвердить эту мысль. Андрей Курбский в своей „Истории о великом князе Московском“ делает замечания по поводу Псково-Печерского монастыря: „бесчисленные чудеса прежде истекали благодатию христа бога нашего и пречистыя его матере молитвами, поколь было имений к монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали (т. е. при Корнилии), егда же мниси стяжания почали любити, паче же недвижимыя вещи, сиречь села и веси, тогда угасоша божественная чюдеса“.² Может быть, по-

¹ Там же, стр. 286.

² Сочинения кн. Курбского, СПб., 1914, стр. 321.

зидией Корнилия, близкой к нестяжателям, можно объяснить и его умолчание о дарственных землях? Очень важно еще одно обстоятельство. Как отмечено выше, летопись Корнилия осуждает вторичный брак Василия III в то время, как другие летописи об этом говорят сочувственно по отношению к Василию III. Это можно объяснить тем, что первая жена Василия III, Соломония Сабурова, поддерживала нестяжателей вообще и Вассиана Косого, в частности. Заточение ее в монастырь и вызвало гнев Корнилия. Курбский также осуждает этот второй брак, рассказывает о том, что Семен Курбский и Вассиан Патрикеев препятствовали этому браку, за что Василий III и заключил Вассиана „к подобным себе в злости презлым осифлянном“.¹ Близость Корнилия к нестяжателям еще раз подтверждает реакционность его классовой позиции.

Анализ политической направленности летописи Корнилия решает вопрос о причинах его казни. С середины 60-х годов правительство Ивана Грозного делает поворот в своей политике к опричнине, „вступает на путь открытых репрессий против боярства в форме казней и опал виднейших его представителей“.² Таким виднейшим представителем боярства в Пскове был Корнилий и притом опаснейшим.³ Связь Корнилия с Андреем Курбским показательна. Оппозиция местного боярства превращается в оппозицию боярства вообще. Образование единого Русского государства, уничтожение границ феодальных полугосударств привело к объединению оппозиционных сил в XVI в., опасность боярской оппозиции от этого возрастает. Сопrotивление разрозненного боярства, боярства отдельных разрозненных областей в XIV—XV вв. не могло быть так сильно, как сопротивление объединенного боярства в XVI в. Этим и объясняется то, что именно Иван Грозный борется с боярством такими решительными средствами.

Заключение

К концу XV в. в Пскове, как и во всей Русской земле, созрели экономические условия, требовавшие образования единого Русского централизованного государства. Ускоренными темпами идет развитие ремесла, растет товарность сельского хозяйства, расширяется торговля, большее значение приобретает торговля с „низовскими“ городами. В Пскове, как и в остальных областях Русской земли, наблюдается дальнейшее закрепощение земледельческого населения. Изорники, половники, кочетники являются уже целиком зависимым населением. Постепенно закрепощаются и смерды — основное земле-

¹ Там же, стр. 164.

² И. И. Смирнов. Иван Грозный, 1944, стр. 87.

³ Корнилий не был единственным в своей оппозиции, с ним были казнены 190 псковичей (Синодик Грозного № 33; Сказания кн. Курбского. СПб., 1842, стр. 424).

дельческое население, причем это проводится местными землевладельцами при прямой поддержке великого князя московского.

Псков — пограничный город Русской земли — нес на себе всю тяжесть борьбы с внешней опасностью. Опыт многовековой борьбы с Ливонским орденом и Литвой показал псковичам, что действительную помощь в борьбе им может оказать только Москва.

В Псковской земле, как и в других областях Русской земли, увеличивалось „в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья“.¹ Однако не все население Пскова было заинтересовано в присоединении к Москве. Представление о Пскове как о „тихом переулке русской истории“ принципиально неверно. История Пскова, о которой В. О. Ключевский говорил, что в ней не было ни социального антагонизма, ни социальной борьбы, на самом деле была полна социальными противоречиями и классовой борьбой. В вопросе о присоединении к Москве сказалась разница классовых интересов. Боярская верхушка Пскова, боярская олигархия, которая была как бы коллективным удельным князем, не хотела терять своей самостоятельности, хотя и она была заинтересована в помощи великого князя московского против внешней опасности и против эксплуатируемого большинства населения Пскова. Однако присоединение к Москве грозило гибелью ее политическому, а потому и экономическому, могуществу, это и поставило боярство Пскова в оппозицию к Москве и власти великого князя.

Но объективный процесс объединения русских земель развивался. Отношения между Псковом и Москвой становились все теснее, и события 1510 г. были вполне закономерным завершением ранее сложившихся отношений.

Присоединение Пскова к Москве является центральным моментом истории Пскова, оно довольно подробно освещено псковскими источниками. Изучая источники не только как свидетельство о фактах прошлого, но и как памятники общественной мысли, подходя к творчеству летописца не как к записям бесстрастного компилятора, а как к его политической деятельности, мы можем вскрыть сложность идеологической борьбы в Пскове по вопросу о присоединении его к Москве. В Пскове существовали две точки зрения на присоединение Пскова к Москве.

Автор Псковской III летописи игумен Корнилий выражал точку зрения оппозиционную по отношению к власти великого князя, к обра-

¹ Ф. Энгельс — см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443.

зованию единого Русского государства. Изучая Псковскую III летопись в связи со всей историей Пскова, мы приходим к выводу, что оппозиция Корнилия была оппозицией представителя крупного боярства.

Таким образом, существование оппозиции власти великого князя в Пскове объясняется не местными областническими настроениями, якобы присущими новгородцам и псковичам. Корни этой оппозиции классовые, общерусские. В образовании единого Русского централизованного государства боярство видело свою близкую гибель и всеми силами сопротивлялось этому процессу.

Изучение псковской литературы позволяет сделать вывод, что сознание единства Русской земли, сознание необходимости образования единого Русского государства жило не только в Москве. В Пскове были сторонники присоединения к Москве. Их точка зрения была выражена Филофеем в его посланиях, автором Повести о псковском взятии в Псковской I летописи, редактором Хронографа 1512 г., редактором Хронографической Палеи. Псковские условия не породили столь сильной боярской оппозиции, какая была в Новгороде, но они дали целую плеяду сторонников присоединения к Москве, псковичей, передовых мыслителей своего времени.

Возникновение в Пскове теории Москвы — третьего Рима имело большое политическое значение: в Пскове сознавали единство Русской земли, величие Русского государства, видели центр Русского государства в Москве. Яркое выражение нашел этот взгляд на Москву, на власть великого князя и в остальных произведениях Филофея. Царю нужно повиноваться, служить ему верой и правдой — внушает Филофей псковичам.

Совпадает со взглядами Филофея на власть великого князя и взгляд автора Повести о псковском взятии. Автор Повести называет Псков отчиной великого князя, „отцов его и дедов и прадедов его“. На примере истории Пскова мы убеждаемся в том, что объединение Русской земли было делом всего русского народа. Присоединение Пскова к Москве явилось результатом не только активной политики со стороны Москвы, но было поддержано в самом Пскове и получило яркое отражение в его литературе.

Филофея нельзя безоговорочно рассматривать как представителя официальной, правительственной московской идеологии, как это до сих пор делалось. Филофей — сторонник Москвы в еще независимом Пскове. С другой стороны, Корнилия нельзя также безоговорочно рассматривать, как представителя псковских областнических тенденций. Корнилий не только псковский противник Москвы — он представитель оппозиции крупного боярства власти государя „всея Руси“ в уже воссоединившемся с Москвою Пскове. Корни идеологии обоих — классовые.

Приведенные факты говорят о том, что так называемые „областнические тенденции“, рассматриваемые вне их конкретной классовой обусловленности в каждом отдельном случае, — в значительной мере фикция,

созданная дворянской и буржуазной исторической наукой, а от нее перешедшая и в историю русской литературы. Ни одна из областей Русской земли в своей оппозиции поднимающейся Москве никогда не выступала как единое целое. В каждой из областей шла напряженная политическая борьба сторонников и противников объединения Руси под державою великого князя московского. И эта борьба была одной из форм классовой борьбы; ее корни отнюдь не отвлеченно „областные“.
